

СВЕРХЧЕЛОВЕК И БОГ

«Человек есть нечто, что должно быть преодолено. Что сделали вы, чтобы преодолеть человека?»

Фридрих Ницше

«В человеке есть все – от минерала до Бога. И желание Бога в человеке, то есть стремление его духа, сознающего свое единство с бесконечным сознанием вселенной, не могут быть гармоничны с инерцией камня, с его стремлением кристаллизироваться, с сонным переливанием соков в растении и с медленным поворачиванием к солнцу, с зовом крови животного...»

П.Д. Успенский

Сверхчеловек явился в XIX веке, безумное и сумрачное детище эпохи мистических теорий эволюции и паровых машин. Он сошел со страниц ненаписанных книг, но не спустился в мир. Подобный олимпийским богам, он остался на вершине, где разряженный воздух холодит легкие, как сторож Мирового Льда. Этот воздух убивает непосвященных. Посвященный же поднимается все выше и выше, отбрасывая тени и лохмотья старой веры, цепляясь окоченевшими пальцами за ледяные уступы, обнаженный *движением до конца*, восходит он на последнюю площадку.

И раздвигает руками завесу метели. О ясное и чистое небо вершины!

Внезапно какая-то фигура появляется рядом с ним. Посвященный напряженно и радостно смотрит на нее.

И видит, что это...

Заратустра.

Посвященный поражен. Обнаженный дух его содрогается.

Нечем укрыться. Нет веры.

Небо чернеет. *Мировой Лед* черного цвета.

Ибо Заратустра не есть Сверхчеловек.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

Это открыто каждому Читателю, но иначе это воспринимает Пилигрим. Он *знает* это, но хочет *видеть* Заратустру Преобразившегося. Однако все тот же пророк и вестник стоит перед ним. И тяжелы его глаза. И улыбки нет на губах его. Напрасно ищет Поднявшийся одобрения. Его не может быть.

Ибо Заратустра – это человек.

Он подходит к Поднявшемуся, худой и суровый. Суровость – последнее прибежище его.

- Зачем ты пришел?
- Я искал...
- Час еще не пробил.
- Я ждал...
- Спускайся.

Поднявшийся видит, что пророк сказал уже все. И понимает, что вершина это только для Заратустры. Здесь нет места второму. Ни Человеку, ни Сверхчеловеку.

И он идет вниз, и льды тают, черные ручьи обгоняют его, и трупный запах абсурда поднимается к нему из долины.

2

Поднявшийся стал Посторонним.

Он потерял и вершину, и дом. У него нет больше веры. Замена Бога Сверхчеловеком лишила его сил. Дом его посетила чума. Или оспа. Друзья – это жалкие оспинки на лице бытия. Знаки зажившей болезни. Сущность есть лишь иллюзия глубины. Старая сущность погибла, новая стала существованием.

Нет вертикали. Горизонталь смыкается в кольцо. Возврат вместо вечности.

Абсурд и время окружают Постороннего. Они остались единственными очевидностями. До смерти. И спасением от абсурда, времени и смерти становится *бытие*.

3

Бытие – категория, которая позволяет сохранить священное, ничего не говоря о священном. Прояснить видение Бога, умалчивая о Боге. Пережить бессмертие души, думая о бессмертии обыденности. Это те границы, в которых *священное мутирует в сущее*.

Когда Посторонний говорит "бытие", он чувствует относительную устойчивость в абсолютной неустойчивости XX века.

Бытие – это последний осколок классического в неклассическом, последний мостик между ними. Категория бытия наполнена мощью, недоступной для абсурда. Все, что достойно быть, – осмысленно, все, что имеет смысл, – достойно бытия.

Сверхчеловек в XX веке разворачивается в мифическом бытии-ожидании. Абсурд не коснулся его. Он – на вершине. Только не стоит подниматься туда, чтобы не встретить пустоту.

4

Фридрих Ницше есть мистификатор, требующий уничтожения мистицизма путем *додумывания до конца*, и лжец, желающий абсолютной честности. Он обманул всех, поверивших ему. Его талант убеждать обманул его самого, а тайная страсть господствовать сделала Господином Пустой Вершины.

Ибо Заратустра – это великий Ницше.

Ибо Вершина эта для всех и ни для кого.

Но почему ?..

5

Ответ пугает своей очевидностью.

Сверхчеловек уже был до Ницше.

И не такой, как в туманных изречениях Заратустры, а живой.

Гордящийся и действующий.

Это Люцифер.

6

Люцифер есть Сверхчеловек, ибо упал он сверху.

Чувство ревности к человеку так захлестнуло его, что заставило *упасть в человеческое*. Но он пробил человеческое и упал еще ниже. Человеческое, слишком человеческое, находится над ним. История Люцифера есть история будущего безбожного Сверхчеловека, которую не смог написать Ницше. Он вернулся в античность, а оттуда эта перспектива не видна. Нужно подняться над горизонтом античности, чтобы понять, что есть Сверхчеловек.

Главное для него – стать Богом. Не самим собою, а Богом. Если Сверхчеловек в мысли желает стать Сверхчеловеком в жизни, он обречен лишь на

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

критику жизни. Таков Зарѳтустра, и такова трагедия его.

Единственным *Сверхчеловеком Проявившимся* в истории был Сатана. И явился он не снизу, а сверху, упав из Богоподобного, Богочеловеческого мира, в котором был Самым Любимым. И поэтому он становится *Подчеловеком, демоном*. Сверхчеловеческое, отринувшее Бога, всегда становится Подчеловеческим. Оно мучимо рукотворным абсурдом и вынуждено бесконечно вкатывать на Одинокую Гору камень своей гордыни и зла. По ту сторону добра и зла тоже лежит выбор между Добром и Злом. Только Добро превращается во Вселенское Дерево, а Зло разливается в океан у подножия его. Выбор становится настолько глобальным, что возникает желание уйти от любого выбора. Сверхчеловек, порожденный Ницше вместе с Заратустрой, уходит от выбора, возвращаясь в стихию энергий и волю, разлитых в биологической природе человека.

Но в мире людей невозможно полностью вернуться к биологическому. Биологическое становится демоническим. Большевизм и фашизм – проявление его, жуткие синкретические формы, извращающие идею Сверхчеловека и христианского Апокалипсиса.

Ницше находит категорию-ступеньку для прояснения своего видения Сверхчеловеческого. Это – *дионисийское*. Дионисийское есть канат, соединяющий зверя и человека. Инстинкт и воля природы объединяются с алкогольным экстазом культуры, изобретенным человеком-зверем для торжества зверя и человека. Это объединение выражается в пляске и игре и завершается эротическим торжеством, бурлескным взрывом, питающим бессмертное божество виноградариков.

Дионис, понятый буквально, может остаться Дионисом лишь в рамках античности – в пространстве-времени теплого моря, бронзового оружия, амфор с вином и маслом, покорных рабынь и мужчин, не знающих бюрократии и брюк, порожденных ею. В культуре, отделенной от античности Священной Римской Империей, рыцарями Круглого Стола и Кельнским собором – всем тем, что вызвано к жизни Воскресением Христа, – Дионис, оставаясь лишь Дионисом, превращается в Дьявола. Но Ницше и Заратустра не способны признать это – они отрицают современность во имя прошлого. Вечность христианской культуры с ее

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

глобальным сражением Добра и Зла и апокалиптическим завершением этого сражения воспринимается ими как несуществующее, как фантом. Им хочется языческого круговорота древних стран и языков. Но можно ли оценивать христианскую культуру с точки зрения этого круговорота? Что может понять Дионис в Христе? Он просто не способен увидеть его.

Для того чтобы увидеть Христа, Дионису нужно стать Дьяволом. Или Ангелом. В устах Ницше он тяготеет именно к Дьяволу. Но Дьявол истинный и дьявол-Дионис не способны уничтожить идею Бога. Несмотря на истерическое прозрение Заратустры, они отрицают не бытие Бога и даже не Его все-могущество, а *причастность человека к Богу*.

И здесь Дионис погружается в Дьявола, и исчезает в нем. И усилившийся энергией античности Дьявол желает искушать человека с новой силой. Он хочет сделать его таким же Сверхчеловеком, как сам, но поднимая снизу, от животного.

Однако этот подъем есть падение. Пусть даже падение вверх. Здесь наверху одиноко и сумрачно. И нет обещанного могущества. Ибо никакой человек не может стать Дьяволом. Гордыня Дьявола никогда не позволит человеку достичь этого. Поэтому воля к

власти, направленная к безбожному Сверхчеловеческому, имеет свой жестокий предел.

И доведший до этого предела либо находит в себе силы вернуться к Богу, либо сходит с ума на пути к абсурду.

8

Жажда Сверхчеловеческого с принятием идеи и бытия Бога безгранична – в силу Абсолютности Бога. Смирение становится здесь высшей гордостью, ибо оно есть условие движения за пределы человека. Фейербах, который заявляет, что смирение обедняет, ибо отдает все лучшее небесам, закрывает глаза на то, что человек еще *не пребывает во всем лучшем*. Признание обыденности *нормальной* обедняет гораздо больше, чем *видение обыкновенного жалким*. Второе с необходимостью ведет к смирению перед Абсолютом, а потому – к движению на пути к нему. Движению за пределы себя.

Можно отрицать смысл и исход этого движения. Но невозможно побороть в себе стремление к нему. Любой абсурдист помнит, что всего лишь *стал абсурдистом*.

Отверженность от Бога приводит Сверхчеловека к абсолютному одиночеству. Это

одиночество *завершившегося* Люцифера и *незавершенного* Заратустры. Одиночество *Искушающих* *Сверхчеловеческим*. В пространстве этого одиночества есть сонм демонов и звери Заратустры, но нет человека. Отсутствие идеи Бога не позволяет человеку проявиться ни в старом, ни в новом качестве. Только нечеловеческое – звериное и демоническое – наполняет бесконечное время Отверженных. Наполняет Абсолютным Подчинением и Мировой Скукой.

Вокруг только Искушенные и Погибающие. Общение с ними невозможно. Над ними простирается лишь Скорбь Сатаны и равнодушие Заратустры.

Сверхчеловек без любви к Богу есть демон.

Величие Ницше заключается в том, что он, видя и предугадывая еще большее увлечение обыденностью в мыслящих кругах, заявил: человек обязан двигаться за пределы обыденности. И двигаться сам. Падение Ницше проявилось в том, что он вызвал к жизни демонизм, сводящий с ума и называемый *ясностью*, а также вырастил истерическую гордыню, лишаящую

персональности. Сверхчеловек Ницше оказался мертворожденным; в силу мертвенности своего отношения к Абсолюту, он застыл на несуществующем пьедестале во Вселенной абсурда.

Он стал игрушкой в мечтах тоталитарных политиков и превратился в ужасного призрака, которым либеральные режимы пугают своих пассионариев. Абсурдисты высмеяли его, а гуманисты *поспешили казнить* – вот судьба Сверхчеловека Ницше в конце XX века.

Однако философская культура современности породила и второе понимание Сверхчеловека – историческое. Расовые предтечи человека, погибшие во вселенских катастрофах, – таковы Сверхлюди Блаватской и Горбигера. Это, конечно, и Пред-люди, но формы культуры и могущество психики, развитые тысячелетиями восхождения под рассветами и закатами юного солнца, делают их Сверхлюдьми. Плоский эволюционизм Дарвина, целиком находящийся в антропоцентрической традиции Фейербаха, противостоит им. Но дарвиновская теория эволюции человека – не меньший миф, чем антропогенезис Блаватской; обломки черепов

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

обезьянолюдей в музеях не реальнее Баальбекской веранды и странных рисунков пустыни Наска.

Итак, Сверхлюди *уже были*; капризы природы и надприродного погубили их. Но мудрость древних культур сохранилась где-то. Как и их создатели, спящие в саркофагах. Фантазия влечет последователей этой традиции в подземные странствия.

Пробудить спящего Сверхчеловека и служить ему – это становится бессознательной целью. Мистический поиск отворачивается от Неба. Восхождение излишне. Человек уже достиг своего человеческого пика. Небо может проникнуть в него лишь в качестве элемента. И будущее заменяется прошлым не до конца. Однако *Прошлые* торжествуют в нем.

Будущее становится воспоминанием. Странной тенью прошлого, отбрасываемой настоящим. Такое будущее есть лишь оживающий миф о прошедшем. Грядущее человеческой расы – только достижение предшествующего могущества, даже если это и не постулируется.

Отвергнутое Небо-Будущее рождает тоску Постороннего как Мистического Археолога и Историка. Линия и спираль истории превращаются в кольцо.

Мировой Лед искрится, кольцо ждет своего Властелина. И Властелин приходит. Избранные созидают и видят образ Его. Образ пульсирует, разрастается, скоро он будет *реальностью в мире вещей*.

Фазы Луны сменяются в ожидании. Тревожное солнце ждет, расцветая и сворачиваясь в огненный бутон. Ночи и звезды призывают прежнего Господина.

Тоска Постороннего... Сгущение ее становится ужасом. Сверхчеловек могуч. И *должен* проснуться. Подняться и увидеть нас. И в мире, лишенном Абсолютного Добра, ничто не сдержит Его. Он будет жесток, и вся история будет на пальце Его. Что Ему люди новой мелкой расы, заселившие, подобно муравьям, огромный и прекрасный мир во время сна Его?..

Ужас перед Сверхчеловеком – вот что объединяет все концепции его в XX веке.

Выход человека в космос связал идею Сверхчеловека с инопланетянином. Внутренняя эволюция сменяется нашествием извне. Небо как сияющая твердь, разделяющая Человеческое и

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

Божественное, превращается в *небеса* – черную бесконечность с мириадами звезд и шариками обитаемых планет. Переживание бесконечности Вселенной, доступное ранее одиноким ученым умам, становится массовым.

Фантазия вспыхивает, и пришельцы со звезд ступают на Землю. Но эти дальнерожденные Сверхлюди *опять* преимущественно демоничны в своей психике – наполнены стремлением уничтожить человеческий род в борьбе за место под желтым Солнцем. Такова длинная галерея существ, начатая чудовищными марсианами Уэллса.

Это те же средневековые дьяволы, прилетевшие из-за пределов конца мира на ракетах с излучателями антиматерии. И литература "фэнтези" конца XX века больше стремится подчинить демонического инопланетянина хозяину-Сатане.

Другая категория Сверхлюдей-инопланетян просто туманна и таинственна, и эта таинственность поглощает все другие определения. Таковы Странники Стругацких. Но туманность их – не просто литературный прием. Она имеет все тот же источник, что и туманность Заратустры по отношению к его Сверхчеловеку.

И, наконец, это люди, сами выступающие Сверхлюдьми-инопланетянами для *иных миров*. Они идут в космос искушать эти миры этикой и волей.

Та же необходимость, которая заставляет Люцифера восстать против Бога, заставляет авторов назвать своих Сверхлюдей богами. Эти люди-как-боги, коммунистические по содержанию и античные по сути, населяют утопические романы, но по мере эволюции они все больше приходят к трагическим финалам. Эти финалы множатся, становятся антиутопиями и, наконец, абсурдом. "Туманность Андромеды" становится "Часом Быка", а «Полдень, XXII век» превращается в "Град обреченный"...

Итак, все Сверхчеловеческое, восставшее против Бога, тяготеет к образу Люцифера и спешит разделить его судьбу. Могут ли античные боги, существа, не знавшие Сатаны, считаться Сверхлюдьми?

Нет. Они удалены от жизни человека и живут *своей жизнью*. Они есть именно боги с маленькой буквы и во множественном числе. Человек интересуется их точно так же, как орхидея интересуется льва. Человек может стать для них средством

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

милолетного увлечения, прихотью – и тогда рождаются полубоги и герои. Но они всегда спускаются с высоты Олимпа и, спустившись, сохраняют дистанцию. Случайность их появления отрывает их бытие от бытия человека.

Восставший Прометей приносит людям огонь, а не способность восставать и приносить огонь. Прометей не способен искушать их этой способностью. Дионис Ницше становится Искусителем благодаря общению с Сатаной – Идеальным Искусителем – впервые прошептавшим змеиными губами изумленным Адаму и Еве: «ВЫ БУДЕТЕ КАК БОГИ»...

Но, может быть, титаны и великаны древних мифологий являются Сверхлюдьми? Эти неутомимые богоборцы ушедших эпох, сторукие, ледяные и огненные дети первичного Хаоса? С точки зрения верующих в Подземного Сверхчеловека, это – искаженное представление о древних расах. Но с позиций классической парадигмы, они слишком сильно отличаются от направленности эволюционного процесса человека и есть не-люди, имеющие принципиально иную расовую природу.

Сверхчеловек – это человек, прошедший Эволюцию и Искушение. Необходимо и первое, и второе, – Сверхчеловек должен возникнуть и развиваться, отрицая предшествующее состояние, а также преодолевать лабиринты этого развития, *ведущие вниз*. Эволюция всегда приводит к Искушению, победа над Искушением выступает условием Эволюции.

Неспособность побороть Искушение – выбор нисходящего пути эволюции – замораживает идею и смысл Сверхчеловека. Но и победа над Искушением, *внешне правильный выбор*, наращивающий бесконечное *Сверх*, превращается в насмешку над идеей Сверхчеловека. *Только эволюция*, отрицающая апокалиптичность истории Сверхчеловека, ведет к незаметному и тайному Искушению. Восходящая линия, блестящий эволюционный ряд, достигнув своей высшей точки, плавно спускается вниз. Поступательность взлета здесь есть лишь *гарантия медлительности падения*.

И подняв глаза на эту эволюционную кривую в звездном небе Будущего, мы вправе сказать:

*"Сверхчеловеческое, слишком
Сверхчеловеческое... "*

14

Сверхчеловек есть тот, кто уничтожает себя как Сверхчеловека ради чего-то высшего.

Самодовольное бытие в воображении сверхчеловеческого качества приводит к падению в абсурд. Абсурд неустойчив, и из него очень легко вырастает Зверочеловек.

Посторонний оскаливается. Сверхчеловеческая статика приводит к звериному динамизму. Печи Освенцима и эксперименты с перестройками – выражения его, нагнетающие материю Зверя в социальную и идеологическую формы.

15

Но каким может быть позитивное определение Сверхчеловека?

Сверхчеловек есть человек, овладевший стихией воли к власти. Он осознает ее и превращает в инструмент самоизменения. Это порождает героическое и Героя. Исполинская персона поднимается над нацией и человечеством.

Однако этого мало. *Триумф воли* должен быть доведен до *триумфа вдохновения*. Сверхчеловек с

необходимостью стремится стать Гением-мифотворцем – разрешить в сфере духа то, что недоступно Герою в жизни. *Высший смысл Сверхчеловека – объединить Героя и Гения.* Но на этом пути он уже преодолевает себя.

16

Сверхчеловек может быть лишь *промежуточной ценностью.* Идея Сверхчеловека нуждается в идее Бога. Так растение нуждается в лучах солнца, чтобы не стать перегноем. Переживание Бога дает Сверхчеловеку динамизм и восторг, отличные от восторга и динамизма животного и демона. *Воля к власти над собой* становится целью, воля к власти над другими – лишь средством.

Это рождает идею Богочеловека, поднимающегося над Человеком Обыденным не только могуществом Вдохновения и торжеством Воли, но и *торжеством Святости.* И если до сих пор Святость – *как жизнь во имя Бога и Божественного* – выступала устремленностью и блеском первых двух стихий, то теперь она сама становится стихией и получает *триумф.* Всеполнота

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

и сияние охватывают умирающего Сверхчеловека.
Умирающего для новой жизни...

Триумф Святости – апокалиптическая молния
грядущего неба – соединяет в еще более
ослепительном синтезе Героя и Гения со Святым, а
Миф и Логос – с реальностью.

1994

